

Б. ПАСТЕРНАК

ПЕРЕВОДЯ ШЕКСПИРА

Публикуемая статья Б. Пастернака была написана в 1942 году для Совинформбюро. Машинописную копию ее я обнаружил в архивном фонде этого учреждения.

Переводы западноевропейских классиков драматургии занимают громадное место в творческом наследии Пастернака. Высказывания Б. Пастернака, воссоздавшего на русском языке «Гамлета», «Ромео и Джульетту», «Короля Лира», «Манбетта», «Короля Генриха IV», «Антония и Клеопатру», о Шекспире, о своем отношении к Шекспиру и о принципах, которыми он руководствовался, переводя Шекспира, представляют большой интерес. Интерес этот усиливается автобиографическими подробностями жизни Б. Пастернака.

Л. ЛАНСКИЙ,
кандидат филологических наук

Объявление войны оторвало меня от первых страниц «Ромео и Джульетты». Я забросил перевод и за проводами сына, отправляв-

шегося на оборонные работы, и другими волнениями забыл о Шекспире. Последовали недели, в течение которых волей или неволей все на свете приобщилось к войне. Я дежурил в ночи бомбардировок на крыше двенадцатиэтажного дома, — свидетель двух фугасных попаданий в это здание в одно из моих дежурств, рыл блиндаж у себя за городом и проходил курсы военного обучения, неожиданно обнаружившие во мне прирожденного стрелка.

В конце октября я уехал к жене и детям*, и зима в провинциальном городе, отстоящем далеко от железной дороги, на замерзшей реке, служащей единственным средством сообщения, отрезала меня от внешнего

* Семья Б. Пастернака в начале войны была эвакуирована в г. Чистополь.

мира и на три месяца засадила за прерванного «Ромео».

Шекспир всегда будет любимцем поколений, исторически зрелых и много переживших. Многочисленные испытания учат ценить голос фактов, действительное познание, содержательное и нешуточное искусство реализма.

Шекспир остается идеалом и вершиной этого направления. Ни у кого сведения о человеке не достигают такой правильности, никто не излагал их так своеобразно. На первый взгляд это противоречащие качества. Но они связаны простой зависимостью. «Беззаконьями» своего стиля, раздражавшими Вольтера и Толстого, Шекспир показывает, каково вулканическое строение наша хваленая художественная объективность. Потому что в первую очередь это чудо

объективности. Это его знаменитые характеры, гадерея типов, возрастов и темпераментов с их отличительными поступками и особым языком. И Шекспира не смущает, что их разговоры переплетаются с излияниями его собственного гения. На чередовании самозабвения и внимательности построена его эстетика, на смене высокого и смешного, прозы и стихов.

Он дитя природы в любом отношении, возьмем ли мы необузданность его формы, его композицию и манеру лепки, или его психологию и нравственное содержание его драм. Взрывы шекспировской образности исключительные. Его сравнения — предел, за который никогда не заходило субъективное начало в поэзии. Он наложил на свои труды более глубокий личный отпечаток, чем кто-либо до или после него.

Его присутствие чувствуется в них не только со стороны их оригинальности. Когда заходит речь о добре и зле, о лжи и правде, перед нами возникает образ, непредставимый в обстановке раблепия и низкопоклонства. Мы слышим голос гения, короля среди королей и судьи над богами, голос позднейших демократий, основанием которых служит достоинство труженика и борца.

Мне давно хочется заняться драматическими хрониками Шекспира. Наше время пробуждает к ним новый интерес. Оба Ричарда — истинная библия историкографа...

Опять зима. Я снова собираюсь к семье в глухой городок на Каме и, если судьбе будет угодно, займусь переводом «Антония и Клеопатры» для постановки, задуманной Художественным театром.